

Джеймс Хэдли
Чейз

**СИЛЬНЕЕ
ДЕНЕГ**

Иностранная литература. Классика детектива

Джеймс Чейз
Сильнее денег

«Азбука-Аттикус»

1960

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Чейз Д. Х.

Сильнее денег / Д. Х. Чейз — «Азбука-Аттикус»,
1960 — (Иностранная литература. Классика детектива)

ISBN 978-5-389-15600-5

За полвека писательской деятельности британский автор детективов Рене Брабазон Реймонд (1906–1985) опубликовал около девяноста криминальных романов и сменил несколько творческих псевдонимов. Самый прославленный из них — Джеймс Хэдли Чейз. «Я, как ищейка, беру след и чую, чего хочет читатель. И что он купит» — так мэтр объяснял успех своих романов, охотно раскрывая золотиносный секрет: читателей привлекают «действие и ритм». В XX веке не осталось места неспешным старомодным историям, в которых эксцентричный сыщик расследует загадочное убийство аристократа в декорациях уютного загородного особняка; по законам нового времени детектив пускает в ход револьвер едва ли не чаще, чем дедукцию.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-15600-5

© Чейз Д. Х., 1960
© Азбука-Аттикус, 1960

Содержание

Часть первая	6
Глава первая	6
I	6
II	9
Глава вторая	14
I	14
II	17
Глава третья	24
I	24
II	27
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Джеймс Хэдли Чейз

Сильнее денег

© М. Загот, перевод, 2018

© В. Антонов, перевод, 2018

© А. Горский (наследник), перевод, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2018

Издательство Иностранка®

Часть первая

Глава первая

I

До встречи с Риммой Маршалл я месяца четыре брэнчал на пианино в баре Расти.

Она появилась в нашем заведении однажды вечером; по железной крыше стучал дождь, издалека доносились раскаты грома.

Посетителей в баре почти не было – только двое забулдыг. Расти за стойкой от нечего делать протирает стаканы. Негр Сэм, официант, забрался в кабинку в противоположном углу помещения и старательно изучал программу скачек. Я, как всегда, сидел у пианино.

Помню, в ту минуту я играл ноктюрн Шопена. Я сидел спиной к двери и поэтому не видел и не слышал, как вошла Римма.

Позднее Расти рассказывал мне, что было примерно без двадцати девять, когда распахнулась дверь и девушка словно вынырнула из-под проливного дождя. Оставляя на полу мокрые следы, она проскользнула в одну из кабинок.

Обычно Расти, едва завидев в своем заведении женщину без спутника, немедленно выставлял ее за порог. Но в тот вечер, то ли потому, что бар все равно пустовал, то ли потому, что дождь лил как из ведра, он лишь покосился на посетительницу.

Заказав кока-колу, она закурила, облокотилась на стол и отсутствующим взглядом уставилась на двух пьяниц у стойки.

События начали разворачиваться минут десять спустя.

Снова с шумом распахнулась дверь, и в бар вошел человек. Он сделал несколько неуверенных шагов, словно ступал по палубе судна, застигнутого сильной качкой, и внезапно остановился.

Римма вдруг пронзительно закричала.

Дикий вопль заставил меня резко обернуться.

Никогда не забуду своего первого впечатления при взгляде на девушку. Римме было лет восемнадцать. Ее волосы отливали полированным серебром, а большие, широко расставленные глаза казались темно-голубыми. На ней был вишневый свитер, плотно облегающий грудь, и узкие черные брюки. Она показалась мне какой-то неряшливой, неопрятной, по всему было видно, что жилось ей нелегко. На стуле рядом с ней лежал заношенный и продранный на рукаве дешевенький плащ.

Девушку, пожалуй, можно было бы назвать хорошенькой, как и многих других девушек ее возраста, которые толпами бродят по тротуарам Голливуда в надежде, что двери киностудий когда-нибудь распахнутся перед ними. Но в тот момент ужас, написанный на ее лице, делал ее отталкивающей. Широко открытый рот, из которого несся непрерывный крик, казался безобразной дырой. Она жалась к стене, словно животное, пытающееся укрыться в своей норе; обезумев от страха, в тщетных поисках спасения, она скребла ногтями деревянную обшивку стены, и этот звук действовал на нервы даже сильнее, чем ее крик.

Только что вошедший человек показался мне порождением кошмара – невысокий, худой, лет двадцати четырех, с тонкими чертами белого как полотно, заострившегося лица. Его черные, свисавшие прядями волосы намokли от дождя и прилипли к голове. Особенно страшными были глаза. При виде этих глаз с расширенными до предела зрачками у меня даже мелькнула

мысль, что я вижу перед собой слепого. Но это было не так. Это были, безусловно, глаза наркомана. Человек смотрел на кричавшую девушку, и выражение его лица напугало меня.

Несколько секунд он стоял неподвижно, не сводя с Риммы глаз, затем с его тонких порочных губ сорвался долгий свистящий звук.

Расти, оба пьяницы и я устали на него. Он опустил руку в задний карман брюк и достал нож. Блеснуло длинное лезвие.

– Эй, эй! – заорал Расти. – Брось сейчас же нож! – Но сам даже не вышел из-за стойки. Посеревший от страха Сэм нырнул под стол.

Что может быть страшнее наркомана с ножом? Но я не мог сидеть сложа руки и наблюдать, как он набросится на девушку.

Ударом ноги я оттолкнул стул и бросился к незнакомцу.

Я ударил его в то мгновение, когда сверкнул занесенный над Риммой нож. Я постарался вложить в удар всю свою силу, но бил в сущности наугад. Удар пришелся где-то за ухом и, хотя заставил человека покачнуться, все же чуть запоздал.

Лезвие ножа скользнуло по руке девушки. Я увидел, как начал темнеть рукав ее свитера, она привалилась к стенке и соскользнула под стол.

Второй удар я нанес ему, когда он добрался до стола, которым отгородилась от него Римма. На этот раз я целился в подбородок и не промахнулся. Человек дернулся и растянулся на полу.

Ошеломленный, он лежал на полу, не выпуская из руки окровавленного ножа, и я поспешил наступить ему на кисть. Постепенно его пальцы разжались, и я швырнул нож в дальний угол комнаты.

С шипением, похожим на змеиное, человек вскочил на ноги и кинулся на меня, раздирая ногтями мое лицо и щелкая зубами рядом с горлом.

Я снова ударил его, на этот раз с такой силой, что заныла рука, а незнакомец, словно подкошенный, пролетел через всю комнату, опрокинул уставленный стаканами стол и распластался у стены. Тут он и остался лежать, задрав подбородок и с шумом переводя дыхание.

Вытаскивая из кабины столик, я слышал, как Расти вызывал по телефону полицию.

Римма сидела в неловкой позе, на полу рядом с ней уже образовалась лужица крови, с побелевшего лица на меня пристально смотрели большие глаза.

У меня, наверное, тоже был довольно занятный вид: ногти наркомана оставили на моей щеке четыре глубокие борозды и крови из меня вытекало не многим меньше, чем из нее.

– Что, сильно он вас полоснул? – спросил я, опускаясь рядом с ней на корточки.

– Нет, – покачала она головой.

Ее голос звучал поразительно спокойно, с лица исчезло выражение ужаса. Она смотрела на наркомана, который, все еще без сознания, лежал у стены. Она смотрела на него так, как вы смотрели бы на паука с мохнатыми ногами, если бы внезапно обнаружили его в своей кровати.

– Не беспокойтесь на его счет, – сказал я. – Несколько часов он будет тихоней. Вы можете стоять?

– У вас идет кровь...

– И на мой счет тоже не беспокойтесь.

Я протянул девушке руку и почувствовал, как холодны ее пальцы. С моей помощью она поднялась на ноги и оперлась на меня.

В помещение вбежали двое полицейских.

Они посмотрели на мое окровавленное лицо, на прижавшуюся ко мне Римму, на мокрый от крови рукав ее свитера, и один из них, подняв дубинку, направился ко мне.

– Эй! – поспешно крикнул я. – Вам нужен вон тот, на полу.

Полицейский остановился, взглянул на распростертого на полу наркомана, потом снова перевел взгляд на меня.

– Ладно, ладно, – заговорил второй полицейский, – не торопись, Том. Давай сперва разберемся.

Римма глубоко вздохнула и потеряла сознание. Я едва успел подхватить ее и осторожно положить на стол. Я и сам чувствовал себя настолько неважно, что вынужден был опуститься возле нее на колени.

– Что вы стоите? – крикнул я полицейским. – Она же изойдет кровью!

Полицейский, тот, что выглядел более флегматичным, подошел к девушке и перочинным ножом распорол рукав ее свитера. Он осмотрел длинный и глубокий порез на руке Риммы, достал из кармана пакет первой помощи, быстро остановил кровотечение и перевязал рану.

К тому времени второй полицейский уже успел обо всем расспросить Расти. Подойдя к наркоману, он ткнул его носком башмака.

– Осторожно, – сказал я, все еще поддерживая Римму. – Парень – курильщик дури, и он чуть не оставил меня без глаз.

Полицейский насмешливо взглянул на меня:

– Да ладно? Думаешь, я в первый раз вижу наркомана?

Неизвестный внезапно вскочил на ноги, схватил со стойки графин с водой и изо всей силы ударил полицейского по голове: графин разлетелся вдребезги, а полицейский упал.

Наркоман обвел взглядом комнату. Его глаза отыскивали очнувшуюся Римму. Он выставил перед собой зазубренное горлышко разбитого графина и бросился на девушку.

Я по-прежнему стоял возле нее на коленях и мало что мог сделать. Если бы не хладнокровие второго блюстителя порядка, то нам пришлось бы плохо. Полицейский спокойно пропустил наркомана перед собой и ударил его дубинкой по затылку. Неизвестный упал, горлышко графина откатилось в сторону, и в следующую секунду шелкнули наручники.

Другой полицейский уже поднялся на ноги и, привалившись к барной стойке, ощупывал пострадавшую голову и осыпал наркомана проклятиями. Его невозмутимый напарник scomандовал Расти вызвать «скорую».

Я помог Римме встать и усадил ее на стул, подальше от того места, где лежал наркоман. Она вся дрожала, и я понял, что только сейчас до нее начинает доходить смысл всего, что произошло. Одной рукой я поддерживал девушку, другой – прижимал носовой платок к своему расцарапанному лицу.

Минут через пять прибыли «скорая помощь» и полицейская машина. В бар вошли двое санитаров в белых халатах. Они привязали наркомана к носилкам и унесли его, но один из них тут же вернулся и занялся моим лицом.

Пока санитары делали свое дело, краснолицый верзила в штатском – он назвался сержантом Хеммондом – допросил Расти, а затем подошел к Римме.

Она сидела, безучастно уставившись в пол, и тихонько раскачивалась, баюкая раненую руку.

– Ну, девица, рассказывай, – обратился к ней Хеммонд. – Как твоя фамилия?

Я прислушался, поскольку был заинтригован произошедшим.

Девушка ответила, что ее зовут Риммой Маршалл.

– Где живешь?

– Отель «Саймондс». – Она назвала третьеразрядную гостиницу в портовом районе.

– Занятие?

Римма быстро взглянула на полицейского и тут же отвела взгляд.

– Статистка в киностудии «Пасифик», – с мрачным выражением ответила она.

– Кто этот тип?

– Он называет себя Уилбором. Я знаю его только под этим именем.

– Почему он бросился на тебя с ножом?

Девушка заколебалась, но все же ответила:

– Я когда-то с ним жила, а потом ушла.

– Почему?

Девушка удивленно посмотрела на Хеммонда:

– Вы же его видели! Вы бы согласились с ним жить?

– Ну, не знаю, не знаю. – Хеммонд нахмурился и сдвинул шляпу на затылок. – Что ж, ладно. Завтра тебе надо будет явиться в суд.

Девушка, покачиваясь, встала:

– Это все?

– Угу. – Хеммонд повернулся к стоявшему в дверях полицейскому. – Джек, отвези ее в отель «Саймондс».

– А вы порасспросите-ка детективов в Нью-Йорке об Уилборе, – внезапно сказала Римма. – Они разыскивают его.

Хеммонд сощурился и пристально посмотрел на девушку.

– Это за какие же делишки?

– Не знаю. Знаю только, что разыскивают.

– Знаешь – откуда?

– Он сам мне рассказывал.

Хеммонд помолчал, потом пожал плечами и, махнув тому же полицейскому, повторил:

– Отвези ее в гостиницу.

В сопровождении полицейского Римма вышла под дождь. Я провожал ее взглядом. Меня несколько удивило, что она даже не посмотрела на меня. Ведь я же спас ей жизнь.

Хеммонд жестом велел мне сесть.

– Фамилия?

– Джефф Гордон.

Я носил другую фамилию, но в Голливуде был известен как Гордон.

– Адрес?

Я назвал меблированные комнаты, расположенные сразу же позади бара Расти.

– Ну, выкладывай, что тут произошло.

Я рассказал.

– По-твоему, он хотел ее убить?

– По-моему, хотел.

– Ну что ж, порядок, – произнес Хеммонд, шумно отдуваясь. – Ты потребуешься нам завтра в суде ровно в одиннадцать. – Он внимательно посмотрел на меня. – И позаботься-ка о своем лице... А раньше ты встречал эту девицу?

– Нет.

– Не понимаю, как такая интересная девушка могла жить с таким гнусным типом. – Он сморщился. – Ох уж эти девчонки, – слава богу, у меня парень.

Кивком он подозвал второго полицейского, и они тоже вышли под дождь.

II

Все, о чем я вам рассказываю, произошло незадолго до конца Второй мировой войны. А за три года до этого я еще старательно «грыз гранит науки» в университете своего родного города Голланд-Сити, мечтая стать инженером-строителем. До получения диплома оставались считанные месяцы, когда в 1944 году военная обстановка осложнилась, я больше не мог сопротивляться желанию уйти добровольцем в армию. Отец чуть не сошел с ума от ярости, узнав о моем решении. Он убеждал меня сначала защитить диплом, а уже потом думать об армии, однако сама мысль о том, что я должен еще торчать в университете, в то время как люди умирают в окопах, была для меня просто невыносима.

Уже через несколько месяцев я в числе первых американских солдат высадился на одном из японских островов. Заметив под раскачивающимися пальмами вражеские орудия, я бросился к ним, но в лицо мне врезался раскаленный осколок шрапнели. Так кончилась для меня война.

Шесть месяцев я валялся на госпитальных койках, а тем временем врачи переделывали мою физиономию.

В общем-то, они неплохо с этим справились, но все же правое веко на всю жизнь оказалось у меня слегка опущенным, а вдоль правой челюсти, словно серебряная ниточка, обозначился тоненький шов. Врачи говорили, что устранят и эти дефекты, если я соглашусь пробыть в госпитале еще месяца три, однако я уже достаточно намучился. Ужасов, которых я насмотрелся к тому времени в больничной палате, хватило мне на всю жизнь. Я постарался побыстрее выписаться и уехал домой.

Отец служил управляющим местным отделением банка. Деньги у него не водились, но он согласился помогать мне, лишь бы я закончил университет и стал инженером.

Я и в самом деле собирался сделать отцу приятное, однако пребывание на фронте и особенно в госпиталях выбило меня из колеи. Я обнаружил, что потерял всякий интерес к наукам и не в состоянии ни на чем сосредоточиться. Помучившись неделю, я ушел из университета и откровенно рассказал обо всем отцу. Он понял мое состояние и только спросил:

– Что же ты собираешься делать?

Этого я и сам не знал. Однако мне было ясно: в университет я вернуться не смогу, во всяком случае некоторое время.

Отец скользнул взглядом по моему полуопущенному веку, шраму на подбородке, а потом неожиданно улыбнулся.

– Ну хорошо, Джефф, – сказал отец. – Ты еще молод, почему бы тебе куда-нибудь не поехать и не познакомиться с жизнью? Сотни две долларов я для тебя наскребу. Отдохни, а потом возвращайся и берись за дело.

Деньги я взял. Не скажу, что без угрызений совести, – отцу жилось нелегко. Но иного выхода у меня не было, так отвратительно я себя чувствовал, так необходимо мне было поскорее сменить обстановку.

И вот я оказался в Лос-Анджелесе, питая смутную надежду, что найду какую-нибудь работу в кино. Увы, очень скоро мне пришлось расстаться с этой надеждой.

Впрочем, я не чувствовал себя слишком уж обескураженным, не очень-то меня тянуло работать. Целый месяц я без дела околачивался около порта и много пил. Мне приходилось часто встречаться с теми, кто был освобожден от призыва в армию. Совесть мучила этих людей, и они не скупилась на выпивку для бывших фронтовиков. Однако любителей послушать болтовню о героических делах на фронте становилось все меньше и меньше, а вместе с тем таяли и мои деньги, мне все чаще приходилось задумываться, на что поест в следующий раз.

По установившейся привычке я каждый вечер заходил в бар некоего Расти Макгована. Из окон бара открывался вид на бухту, где покачивались на якорях плавучие притоны азартных игр. Расти постарался придать своему заведению подобие паровой каюты: окна в виде иллюминаторов, многочисленные медные украшения – их каждодневная чистка доводила официанта Сэма до умопомрачения.

В чине старшего сержанта Расти участвовал в войне с Японией. Он понимал мое состояние и благоволил ко мне. Хоть он и прошел огонь, воду и медные трубы, это не помешало ему остаться хорошим человеком, который сделал для меня все, что можно. Узнав, что я не могу найти подходящего занятия, он как бы вскользь заметил, что собирается приобрести пианино, да вот не знает, найдет ли тапера.

Расти попал, что называется, в точку: единственное, что я умел делать более или менее сносно, – это играть на пианино. Разумеется, я не стал отговаривать Расти, и вскоре пианино было куплено.

За тридцать долларов в неделю я играл в баре с восьми часов вечера до двенадцати часов ночи, что вполне меня устраивало, поскольку позволяло платить за комнату, сигареты и еду. Что касается выпивки, то Расти не жалел ее для меня.

Такова была обстановка или, лучше сказать, фон в тот момент, когда, вынырнув из-под завесы дождя, на сцене появилась Римма. Мне исполнилось двадцать три года, и никому на свете не было до меня дела. Появление Риммы доставило мне кучу неприятностей. Тогда я еще не знал об этом, но вскоре убедился.

На следующее утро, в начале одиннадцатого, миссис Майлред, хозяйка мебелирашек, где я снимал комнату, крикнула из своей конторки при входе, что меня зовут к телефону.

Я как раз орудовал бритвой вокруг царапин на своей физиономии; за ночь они распухли и побагровели. Ругнувшись, я вытер с лица мыло, спустился к телефону и взял трубку.

Говорил сержант Хеммонд.

– Гордон, ты нам не потребуешься, – сказал он. – Мы не намерены возбуждать дело против Уилбора.

Я удивился:

– Не намерены?

– Да. На свою беду, повстречал он эту девицу в серебряном парике. Двадцать лет тюрьмы она ему обеспечила.

– Как так?

– А так. Мы сообщили в полицию Нью-Йорка, что задержали некоего Уилбора, а там обрадовались, как, наверно, обрадовалась бы мать, когда узнала, что нашелся давным-давно потерявшийся сынок. Материалов на Уилбора в нью-йоркской полиции столько, что двадцать лет ему гарантированы.

Я присвистнул:

– Основательно!

– Еще бы! – Хеммонд помолчал, и до меня донеслось его медленное, тяжелое дыхание. – Она спрашивала твой адрес.

– Да? Ну, я не делаю из него секрета. Вы ей сказали?

– Нет, хотя она уверяла, что хочет поблагодарить тебя. Знаешь, Гордон, послушайся моего совета: держись от нее подальше. По-моему, она способна отравить жизнь кому угодно. Мне не понравились его слова, я не любил, когда меня пытались поучать.

– Разберусь как-нибудь и без посторонней помощи.

– Что ж, желаю успеха. – И Хеммонд повесил трубку.

В тот же вечер, часов около девяти, Римма пришла в бар. На ней была серая юбка и черный свитер, на фоне которого ее серебристые волосы выглядели довольно эффектно. В баре былолюдно, и Расти, занятый посетителями, не заметил ее прихода.

Римма села за столик поблизости от меня. Я играл этюд Шопена – скорее для собственного удовольствия, поскольку все равно меня никто не слушал.

– Хэлло! – сказал я. – Как рука?

– Ничего. – Она открыла потрепанную сумочку и достала пачку сигарет. – Спасибо за вчерашнее. Вы вели себя геройски.

– Пустяки. Мне нравится вести себя геройски. – Я снял руки с клавиатуры и повернулся к девушке. – Знаю, что выгляжу ужасно; к счастью, это ненадолго.

Она пристально посмотрела на меня, склонив голову набок, и произнесла:

– Судя по твоему лицу, ему часто достается.

– Так и есть.

Я отвернулся и стал подбирать на слух мелодию «Это должен был быть ты». Ее слова смутили меня.

– Уилбор, как я слышал, выбывает на двадцать лет.

– Туда ему и дорога! – Римма сделала гримаску. – Надеюсь, теперь-то мы расстанемся с ним навсегда. Он ткнул ножом двух полицейских в Нью-Йорке. Ему еще повезло, что они выжили. Он большой мастер на такие дела.

– Что верно, то верно.

Подошел официант Сэм и вопросительно посмотрел на нее.

– Закажите что-нибудь, – посоветовал я. – Иначе вас выгонят отсюда.

Она удивленно подняла брови:

– Это должна сделать я?

– Для себя. Если вы не в состоянии что-нибудь заказать, вам лучше сюда не приходить.

Римма велела Сэму принести бутылку кока-колы.

– Раз уж мы об этом заговорили: я не могу позволить себе привязанностей. Они мне не по карману.

Ее лицо было безучастно.

– Что ж, жадный, но честный.

– Отлично сказано, детка, это же почти сценический псевдоним.

Я начал наигрывать мелодию песенки «Тело и душа».

С того дня, как осколок шрапнели врезался мне в физиономию, я утратил всякий интерес не только к своей работе, но и к женщинам. В прежние времена, как и другие студенты, я не прочь был поволочиться за девушками. Но шесть месяцев, проведенных в хирургических палатах, отняли у меня и желание, и способность. И это меня вполне устраивало.

Внезапно я услышал, как Римма тихонько подпевает под мой аккомпанемент, а еще через пять-шесть тактов почувствовал, как у меня по спине побежали мурашки.

Она обладала необыкновенным, хотя и не вполне поставленным голосом. Он был чист, как звонок серебряного колокольчика. До сих пор мне доводилось слышать только хриплые, завывающие голоса эстрадных певичек, да и то в грамзаписи.

Я играл и слушал Римму. Но тут Сэм принес кока-колу, и девушка замолчала. Дождавшись, когда Сэм уйдет, я повернулся и внимательно посмотрел на Римму:

– Кто вас учил петь?

– Петь? Никто. Вы считаете, что это значит петь?

– По-моему, да. Представляю, как зазвучит ваш голос, если вы запоете в полную силу!

– Вы хотите сказать – громко?

– Именно.

Она опустила голову:

– Могу и громко.

– Так спойте! Спойте «Тело и душа», и как можно громче, черт побери!

Девушка удивленно взглянула на меня:

– Меня же мигом вышвырнут!

– А вы пойте, да погромче. Если получится хорошо – беру все на себя. Если плохо – пусть вас вышвырнут, я и пальцем не шевельну.

Я снова заиграл мелодию песенки.

То, что я услышал, потрясло меня. Я сам велел Римме петь как можно громче, готовился услышать нечто особенное, и все же серебряный голос необыкновенного звучания захватил меня врасплох, он прорезал многоголосый шум бара, как бритва, распарывающая шелк.

Уже после первых трех тактов шум утих, даже пьяницы перестали бормотать и устались на девушку. Расти с выпученными глазами наклонился над стойкой, и пальцы его толстенных, словно окорока, ручищ сжались в кулаки. Девушке даже не понадобилось вставать. Она лишь

слегка откинулась назад и чуть напрягла грудь. Песня лилась свободно, как вода из крана. Звуки заполняли комнату, зачаровывали и увлекали. Одним словом, это было великолепно.

Римма пропела куплет и припев под мой аккомпанемент, потом я знаком велел ей остановиться. Последние ноты мелодии пробежали мурашками вдоль моего позвоночника и, полагаю, позвоночниках всех местных пьяниц и некоторое время еще звучали в баре, заставляя тонким звоном отзываться стаканы на полках.

Я сидел неподвижно, положив руки на клавиши, и ждал.

Все шло, как я и предполагал. Все были ошеломлены. Никто не аплодировал, не кричал. Никто даже не взглянул на Римму. Расти со смущенным выражением схватил стакан и принялся ожесточенно его протирать. Трое или четверо завсегдатаев поднялись с мест и вышли из бара. Постепенно снова слышались разговоры, но теперь приглушенные, сдержанные. Это было просто неправдоподобно хорошо, и посетители никак не могли прийти в себя.

Я взглянул на Римму, и она, не спуская с меня глаз, сморщила нос. Я уже начал привыкать к ее гримасам и понял, что на сей раз это означало: «Ну и что ж? Думаешь, меня это трогает?»

– Бисер перед свиньями, – заметил я. – С вашим голосом вы можете стать крупнейшей сенсацией, заработать целое состояние.

– Ой ли? – Римма передернула плечами. – Лучше скажите, где снять комнату подешевле. Я почти без денег.

– Вам ли беспокоиться о деньгах? – Я засмеялся. – Да у вас не голос, а чистейшее золото!

– Ну, не все сразу. Пока мне нужна комната, и подешевле.

– Переезжайте в мой пансион. Дешевле и гнуснее мебелирашек не сыщешь. Лексон-авеню, 25. Отсюда первый поворот направо.

Римма загасила сигарету и поднялась.

– Спасибо. Сейчас же пойду договариваться.

Она вышла, чуть покачивая бедрами и высоко держа серебристую голову.

Пьяные посетители провожали ее взглядами, пока она не закрыла за собой дверь, какой-то идиот присвистнул ей вслед.

Только после того, как Сэм толкнул меня локтем, я сообразил, что она ушла, не заплатив за кока-колу.

Пришлось платить мне. Выкладывая деньги, я утешал себя тем, что послушал чудесное пение Риммы.

Глава вторая

I

Я вернулся домой вскоре после полуночи. Не успел я открыть свою комнату, как дверь напротив распахнулась и выглянула Римма.

– Вот видите, переехала, – сказала она. – Вы серьезно говорили о моем голосе?

Я вошел в комнату, оставив дверь открытой, зажег свет и сел на кровать.

– Совершенно серьезно. С таким голосом вы можете разбогатеть.

– Здесь, в Лос-Анджелесе, голодают тысячи певцов и певиц. – Римма пересекла коридор и прислонилась к дверному косяку. – Нечего и думать конкурировать с ними. По-моему, легче заработать на жизнь, работая статисткой на киносъёмках.

После пережитого на фронте меня ничто не интересовало и не волновало, но голос Риммы вызвал во мне настоящий энтузиазм.

Я уже разговаривал о девушке с Расти и сказал, что она могла бы петь в баре, но он и слышать не хотел о Римме. Правда, он тоже восхищался ее голосом, однако категорически заявил, что ни одна женщина никогда не будет петь в его заведении. Рано или поздно, заявил Расти, это приведет к большим неприятностям, а их у него и сейчас предостаточно.

– У меня есть один знакомый, – сказал я Римме. – Он, возможно, сможет что-нибудь сделать для вас. Завтра я с ним переговорю. Он владелец ночного клуба на Десятой улице. Ничего особенного, но для начала годится.

– Что ж, благодарю...

В ответе Риммы звучало столько равнодушия, что я раздраженно взглянул на нее:

– Вы не хотите стать профессиональной певицей?

– Я готова стать кем угодно, лишь бы заработать себе на хлеб.

– Вот и хорошо. Завтра же я поговорю с ним.

Я сбросил башмаки, намекая Римме, что ей пора уходить, но она все еще неподвижно стояла в дверях, не спуская с меня больших темно-голубых глаз.

– Я хочу завалиться спать, – сказал я. – Завтра встретимся, я переговорю с этим человеком.

– Спасибо. – Она не шевельнулась. – Большое спасибо. – Римма помолчала. – Мне очень неприятно просить, но не могли бы вы одолжить мне пять долларов? Я совсем на мели.

Я снял пиджак и швырнул его на стул.

– И я тоже. Перебиваюсь кое-как уже полгода. Не надо ломать голову. Со временем вы привыкнете.

– Да, но я целый день ничего не ела.

Я начал развязывать галстук.

– Извините. Я тоже без денег, и поделиться с вами мне просто нечем. Отправляйтесь-ка лучше спать. Когда человек спит, он забывает о голоде.

Римма внезапно повернулась и встала ко мне так, чтобы я видел ее грудь сбоку. Лицо ее совершенно ничего не выражало.

– Мне нужны деньги, – заявила она. – Если вы одолжите мне пять долларов, я проведу с вами ночь. Деньги я потом верну.

Я повесил пиджак в гардероб и, стоя к девушке спиной, крикнул:

– Довольно! Я уже сказал тебе: романы заводить я не намерен. Убирайся!

Я слышал, как хлопнула дверь моей комнаты, и поморщился. Повернув ключ, я умылся в жестяном тазу на туалетном столике, заменил пластырь на лице и улегся в кровать.

Римма не выходила у меня из головы. Впервые за последние месяцы я думал о женщине. Почему она до сих пор не стала певицей? Почему с ее голосом, внешностью и постоянной готовностью переспать с кем угодно она до сих пор не сделала карьеры? Возможно, мой знакомый, владелец ночного клуба «Голубая роза» Уилли Флойд, заинтересуется ею.

Некоторое время назад Уилли был заинтересован во мне. Он хотел, чтобы я играл в его клубе в программе из трех отделений с восьми вечера до трех утра. Но мысль играть в ансамбле была для меня невыносима, и хотя Уилли предлагал платить мне вдвое против того, что я получал у Расти, я предпочел остаться у него.

Снова и снова меня охватывало бешеное желание найти способ получать больше денег, но усилия, которые необходимо было для этого приложить, всегда оказывались для меня непомерными. Неплохо было бы съехать из этой паршивой комнаты. Неплохо было бы купить подержанную машину.

Лежа в темноте, я размышлял, смогу ли что-нибудь заработать в роли антрепренера Риммы. Под умелым руководством она вскоре могла бы зарабатывать большие деньги и даже составить состояние, если бы какая-нибудь фирма согласилась выпустить пластинку с записью ее голоса. Десять процентов с гонорара Риммы помогут мне осуществить любые мои желания.

Внезапно из ее комнаты донеслось чиханье. Я вспомнил, как она промокла в тот вечер, когда появилась в баре Расти. Не хватало только, чтобы она простудилась и потеряла голос.

Засыпая, я услышал, как она все еще продолжает чихать.

На следующее утро я вышел из своей комнаты вскоре после одиннадцати. Римма стояла в дверях напротив и поджидала меня. Я поздоровался.

– Ну и расчихалась же ты вчера! Простудилась?

– Нет.

В ярких лучах солнца, светившего в окно коридора, Римма выглядела ужасно. Слезившиеся глаза запали, нос покраснел, побледневшее и покрытое красными пятнами лицо заострилось.

– Я сейчас иду к Уилли Флойду, – сказал я. – Может, тебе лучше полежать? Вид у тебя отвратительный. Если Уилли увидит тебя такой, то нечего и рассчитывать на успех.

– Со мной все в порядке. – Девушка устало провела рукой по лицу. – Не одолжишь ли мне полдоллара на кофе?

– Бог ты мой! Я же сказал, что у меня у самого ничего нет.

Ее лицо у меня на глазах начало как-то раскисать и стало еще более отталкивающим.

– Но я же два дня ничего не ела! Не знаю, что мне и делать. Ну дай хоть немного... Ну хоть что-нибудь...

– Я на мели, как и ты! – крикнул я, теряя самообладание. – Я же пытаюсь устроить тебя на работу! Что же тебе еще нужно?

– Я голодаю. – Римма бессильно прислонилась к косяку и заломила руки. – Пожалуйста, одолжи мне что-нибудь.

– Черт возьми! Ну хорошо. Я дам тебе полдоллара, только, чур, с возвратом.

Мне внезапно пришло в голову, что уж если я хочу, чтобы она произвела впечатление на Флойда, получила у него работу и дала мне возможность зарабатывать мои десять процентов, то я должен позаботиться о ней.

Вернувшись к себе, я открыл ящик туалетного столика и достал монету в полдоллара. Ящик содержал в себе всю мою недельную получку – тридцать долларов. Доставая деньги, я загородил собой ящик, тут же задвинул его и закрыл на замок.

От меня не укрылось, как дрожала рука девушки, когда она брала монету.

– Спасибо, я верну. Честное слово!

– Надеюсь. Я и сам еле-еле свожу концы с концами и не намерен заниматься благотворительностью.

Я вышел из комнаты и, повернув ключ в двери, положил его в карман.

– Я буду ждать у себя, – сказала Римма. – Только выпью в кафе напротив чашечку кофе и сразу же вернусь.

– Приведи себя в порядок. Если Уилли захочет увидеть тебя сегодня же, надо, чтобы ты выглядела не так, как сейчас. А петь-то ты сможешь сегодня, ты уверена?

Она кивнула.

– Сколько угодно и когда угодно.

– В таком случае – пока. – Я спустился по лестнице и вышел на солнце.

Уилли я застал в его кабинете. Он пересчитывал кучу двадцатидолларовых банкнот и для ускорения процесса время от времени слюнявил грязный палец.

Он кивнул мне и невозмутимо продолжил свое занятие. Я прислонился к стене и стал ждать. Кабинет у него был так себе, в общем как и клуб.

Уилли был страстным любителем кричащих нарядов. В этот раз он был одет в бледно-голубой фланелевый костюм с расписным галстуком, заколотым булавкой с фальшивым бриллиантом, – трудно было придумать более нелепое сочетание.

Он закончил подсчет, спрятал деньги в ящик стола и вопросительно взглянул на меня.

– Ну, Джефф, что у нас случилось? – поинтересовался он. – Чего мы хотим?

– Я нашел девушку с чудесным голосом. Ты обалдеешь, Уилли. Именно то, что ты искал.

Его розовое одутловатое лицо выражало лишь скуку. Уилли был лысеющим толстым коротышкой с маленькими глазками, маленьким ротиком и маленьким умишком.

– А я и не ищу дамочек с чудесными голосами. Их тут сколько твоя душа пожелает... На пяток дюжина... Когда ты перейдешь в мой клуб? Пора бы уже поумнеть, Джефф. Живешь не знаю как.

– Обо мне не беспокойся. Живу неплохо, Уилли. Но ты должен послушать девушку. Ты будешь платить ей гроши, а она вызовет сенсацию. У нее сносная внешность и голос, какой твоим паршивым посетителям и не снился.

Уилли достал из кармана сигару, откусил кончик и выплюнул в противоположный угол комнаты.

– Вот уж не думал, что ты интересуешься бабами.

– А я и не интересуюсь. Речь идет о деле. Я выступаю в качестве ее антрепренера. Разрешите привести ее сюда вечером. Тебя не убудет. Послушай ее, а потом мы обсудим деловую сторону.

Уилли пожал жирными плечами:

– Ну что ж, хорошо. Я ничего не обещаю, но, если она действительно так хороша, как ты расписываешь, возможно, у меня найдется для нее работенка.

– Она еще лучше.

Он зажег сигару и выпустил мне в лицо облако дыма.

– Слушай, Джефф, когда ты наконец поумнеешь? Пора завязывать с такой жизнью. Человек с твоим образованием достоин лучшего.

– Забудь, – сказал я нетерпеливо. – Меня вполне устраивает то, что есть. Значит, до вечера.

Я почти не сомневался, что Уилли, прослушав Римму, сразу же пригласит ее. Возможно, он согласится платить девушке долларов семьдесят пять в неделю. Тогда на мою долю придется семь с половиной долларов. Да тридцать у Расти. Не сомневался я и в том, что после первых выступлений Риммы в клубе Уилли о ней заговорят, и тогда я смогу устроить ее в какой-нибудь шикарный ночной клуб, где ей станут платить куда больше.

От этих мыслей у меня чуть не закружилась голова. Я уже представлял себя знаменитым антрепренером, роскошный кабинет, переговоры с крупными звездами, выгодные контракты.

От Уилли я поехал прямо домой, считая, что сейчас самое время сообщить Римме о своем решении. Уилли я не представляю ее до тех пор, пока она не заключит со мной соответствующий договор. Не хватало еще, чтобы ее перехватил какой-нибудь другой жучок!

Прыгая сразу через несколько ступенек, я взбежал по лестнице и влетел в комнату Риммы.

Служанка Кэрри, представлявшая в своем лице весь технический персонал в меблированных комнатах, меняла на кровати белье. Риммы в комнате не оказалось.

Кэрри уставилась на меня. Это была рослая, полная женщина, содержавшая вечно пьяного бездельника-мужа.

У нас с Кэрри сложились хорошие отношения. Часто, когда она убирала мою комнату, мы делились своими горестями и неприятностями. И того и другого у нее было гораздо больше, чем у меня, и все же она никогда не теряла жизнерадостности и постоянно уговаривала меня вернуться домой.

– А где мисс Маршалл? – спросил я, останавливаясь в дверях.

– Уехала полчаса назад.

– Уехала? Совсем?

– Да, совсем.

Меня охватило жесточайшее разочарование.

– Она ничего не поручала мне передать? Может, она сказала, куда уезжает?

– Нет, не сказала и никаких поручений не оставляла.

– А за комнату заплатила?

Кэрри ухмыльнулась, обнажив большие желтые зубы. Ее позабавило предположение, что из меблирашек миссис Майлред можно уехать, не заплатив.

– Конечно заплатила.

– Сколько?

– Два доллара.

Я медленно и глубоко вздохнул. Похоже, что меня надули на полдоллара. Видимо, деньги у Риммы все же были. Она просто-напросто придумала всю эту историю с голоданием, а я и уши развесил.

Я подошел к своей комнате, вставил ключ в замочную скважину и попытался открыть замок, но ключ не повернулся. Тогда я нажал на ручку, и дверь распахнулась. Она оказалась не на замке, хотя я хорошо помнил, что запер ее, отправляясь к Уилли.

Беспокойство овладело мной, когда я направлялся к туалетному столику. И действительно, его ящик оказался открытым, а тридцать долларов, на которые мне предстояло жить целую неделю, исчезли.

Римма бесовестно обманула меня.

II

Следующая неделя выдалась для меня довольно трудной. Правда, Расти дважды в день кормил меня в кредит, но на сигареты денег не давал. Миссис Майлред, после того как я пообещал ей выплатить двойную сумму за следующую неделю, согласилась подождать плату за комнату. Кое-как я перебился эти семь дней, и все это время Римма не выходила у меня из головы. Я обещал себе, что, если когда-нибудь вновь увижу ее, она навсегда запомнит нашу встречу. Некоторое время еще мучило сожаление, что мне так и не удалось стать ее антрепренером, но недели через две я уже не вспоминал о Римме и повел прежнюю никчемную жизнь.

Однажды, примерно через месяц после описанных событий, Расти попросил меня съездить в Голливуд за неоновой вывеской для бара. Он добавил, что я могу воспользоваться его машиной, а за хлопоты обещал заплатить два доллара.

Делать мне все равно было нечего, и я согласился. Получив вывеску, я положил ее на заднее сиденье старенького «олдсмобиля» и решил проехать через район киностудий.

У входа в «Парамаунт» я увидел Римму. Она о чем-то спорила с вахтером. Я с первого взгляда узнал ее по ее серебристой голове.

На ней были узкие черные джинсы, красная блузка и красные балетки. Как и всегда, она выглядела замызганной и неряшливой.

Поставив машину на свободное место между «бьюиком» и «кадиллаком», я направился к Римме.

Вахтер тем временем скрылся в своей каморке и с силой захлопнул дверь. Римма повернулась и пошла в мою сторону. Меня она узнала, когда мы чуть не столкнулись. Девушка остановилась как вкопанная и уставилась на меня. Ее лицо покрылось густым румянцем. Она исподтишка посмотрела по сторонам, но бежать было некуда, и она решила действовать нагло.

– Привет, – сказал я.

– Привет.

– Наконец-то мы встретились.

Я подошел еще ближе, готовый схватить ее, если она вздумает улизнуть.

– Ты должна мне тридцать долларов, – сказал я и улыбнулся.

– Ты, кажется, шутишь? – Темно-голубые глаза Риммы смотрели куда-то мимо меня. – Какие тридцать долларов?

– Тридцать долларов. Те, что ты украла у меня. Давай-ка деньги, или нам придется прогуляться в участок.

– Ничего я у тебя не крала! Я должна тебе полдоллара, и все.

Я схватил ее за тонкую руку:

– Пошли. И не вздумай устраивать сцену. Я ведь сильнее тебя. Идем в участок, и пусть полицейские разберутся, что к чему.

Римма сделала попытку вырваться, но, признав свое бессилие, пожала плечами и покорно пошла за мной. Я толкнул ее в машину и сел рядом.

– Это твоя машина? – с внезапным интересом спросила Римма, когда я заводил мотор.

– Нет, крошка, не моя. Я по-прежнему без средств и по-прежнему намерен заставить тебя вернуть деньги. Как ты жила все это время?

– Неважно. Сажу на мели.

– Ну что ж. А теперь посидишь немного в тюрьме; может, это пойдет тебе на пользу. По крайней мере, бесплатное питание.

– Ты не отправишь меня в тюрьму!

– Конечно, если ты вернешь мне деньги.

– Извини, пожалуйста. – Римма выставила грудь, повернулась ко мне и положила свою руку на мою. – Мне тогда до зарезу нужны были деньги. Я верну. Клянусь тебе!

– Не клянись. Просто верни, и дело с концом.

– Но у меня нет сейчас ни цента.

– Дай-ка сумочку.

Она прижала к себе потрепанную маленькую сумочку:

– Нет!

Я повернул машину к тротуару и резко затормозил.

– Ты слышала? Дай сумочку, или я отвезу тебя в ближайший полицейский участок.

Римма сверкнула глазами:

– Оставь меня в покое. Нет у меня денег. Я их истратила.

– Знаешь, крошка, мне это совсем-совсем безразлично. Дай мне твою сумку, иначе будешь разговаривать с полицейскими.

– Ты пожалеешь об этом! Я говорю серьезно. Я не скоро забываю.

– А меня не интересует, скоро или не скоро. Дай сюда!

Римма бросила мне на колени потрепанную сумку.

Я открыл ее. В ней оказалось пять долларов и восемь центов, пачка сигарет, ключ от комнаты и грязный носовой платок.

Я взял деньги, положил их в карман и швырнул сумку обратно.

– Вот уж чего я тебе никогда не забуду, – тихо заметила Римма.

– И чудесно. Во всяком случае, это тебе наука на будущее. Где ты живешь?

Римма с мрачным выражением лица назвала адрес пансиона недалеко от того места, где мы находились.

– Вот туда мы и поедem.

Следуя сердитым, отрывочным указаниям девушки, я привез ее к еще более грязному и запущенному дому, чем мой. Из машины мы вышли вместе.

– Придется тебе перебраться в мой пансион, крошка, – заявил я. – Будешь петь, зарабатывать деньги и вернешь мне украденное. Твоим антрепренером буду я, и тебе придется платить мне десять процентов со всех заработков. Мы составим письменный договор, но прежде всего ты соберешь свои вещи, и я увезу тебя из этой дыры.

– Ничего я пением не заработаю.

– Это уж моя забота. Ты сделаешь то, что я тебе велю, а иначе отправишься в тюрьму. Давай решай, да побыстрее!

– Ты можешь оставить меня в покое? Я же говорю, что ничего не заработаю пением.

– Ты поедешь со мной или предпочитаешь отправиться в тюрьму?

Римма молча смотрела на меня. В ее глазах я видел ненависть, но это меня не беспокоило. Она была в моих руках и могла ненавидеть сколько угодно. Так или иначе, но ей придется вернуть деньги.

– Хорошо, я еду с тобой, – пожав плечами, сказала она наконец.

Сборы не заняли у Риммы много времени. Мне пришлось расстаться с четырьмя ее же долларами, чтобы уплатить за квартиру, потом я привез ее в свой пансион.

Римма поселилась в той же комнате, что и прежде. Пока она раскладывала вещи, я написал договор, составленный в громких, но юридически совершенно несостоятельных выражениях. Я именовался антрепренером и получал право на десять процентов от всех заработков девушки. С этим документом я отправился к Римме.

– Распишись вот здесь, – потребовал я, показывая на бумагу.

– И не подумаю, – мрачно ответила Римма.

– Тогда отправляемся в участок.

В глазах Риммы снова вспыхнула ненависть. Помедлив, она нехотя поставила свою подпись.

– Так-то лучше, – сказал я, пряча документ в карман. – Сегодня вечером мы пойдем в «Голубую розу». Ты будешь петь, как еще не пела никогда, получишь ангажемент на семьдесят пять долларов в неделю. Из этих денег я возьму десять процентов плюс свои тридцать долларов. В дальнейшем, крошка, тебе сначала придется отработать все то, что я потрачу на тебя, а уж потом ты будешь зарабатывать и на себя.

– А я говорю, что не смогу зарабатывать пением, вот увидишь.

– А я спрашиваю: почему? С таким голосом будешь грести деньги лопатой.

Римма закурила и жадно втянула дым. Я заметил, что она как-то сразу раскисла и обмякла, словно у нее вынули позвоночник.

– Хорошо. Я сделаю по-твоему.

– А что ты наденешь?

С явным усилием она поднялась со стула и открыла гардероб. У нее оказалось только одно платье, да и то не из блестящих. Впрочем, я знал, что в «Голубой розе» предпочитают не слишком яркое освещение; платье сойдет, тем более что другого не было.

– Мне бы поесть, – сказала Римма, вновь тяжело опускаясь на стул. – Весь день я ничего не ела.

– У тебя одно на уме. Поешь, когда получишь работу. Что ты сделала с деньгами, которые украла у меня?

Римма молча смотрела на меня некоторое время.

– Прожила. На что-то же я должна была жить!

– Разве ты нигде не работаешь?

– Иногда.

– Как ты умудрилась связаться с тем наркоманом, Уилбором?

Этот вопрос не давал мне покоя с тех пор, как мы познакомились.

– У него были деньги. И он не был таким скупердям, как ты.

Я сел на кровать.

– Где же он их брал?

– Понятия не имею, я не спрашивала. Одно время он даже ездил на «паккарде». И до сих пор ездил бы, если бы не проблемы с полицией.

– Ты сбежала от своего дружка, когда у него начались проблемы?

Она запустила руку под блузку и поправила ляжку бюстгалтера.

– Что тут такого? Копы висели у него на хвосте. Ко мне это не имело никакого отношения, и я ушла.

– Это было в Нью-Йорке?

– Да.

– А здесь ты на что жила?

Римма отвела глаза.

– У меня были кое-какие деньги... Тебе какое дело?

– Бьюсь об заклад, ты обчистила его так же, как меня.

– Как скажешь, – произнесла она равнодушно. – Думай что хочешь.

– Что ты намерена спеть сегодня? Пожалуй, «Тело и душа» лучше всего подойдет для начала. А на бис?

– Ты уверен, что мне придется петь на бис? – спросила Римма с кислым выражением.

Я с трудом удерживал себя, чтобы не ударить ее.

– Мы исполним старые мелодии. Ты знаешь «Не могу забыть того парня»?

– Знаю.

«Ну и чудесно. Все обалдеют, когда услышат эту песню в исполнении певицы с голосом, похожим на серебряный колокольчик».

– Ну и чудесно! – повторил я вслух и взглянул на часы. Было около четверти восьмого. – Я скоро вернусь, а ты переодевайся. Встретимся через час.

Я подошел к двери и вынул ключ.

– Вот что, крошка. Чтобы тебя не соблазняла мысль о бегстве, я тебя закрою.

– Я и так никуда не убегу.

– Вот об этом я и забочусь.

Я вышел из комнаты и закрыл дверь на ключ.

Вручив Расти неоновую вывеску, я предупредил его, что сегодня вечером не приду в бар.

Расти как-то чересчур уж пристально посмотрел на меня.

– Знаешь, Джефф, – сказал он, смущенно почесывая затылок, – пора нам поговорить с тобой. Мои постоянные посетители не очень-то разбираются в твоих музыкальных способностях. Я не могу платить тебе тридцать долларов в неделю. Пора бы тебе взяться за ум и отпра-

виться домой. Все-таки ты ведешь здесь бесполезную жизнь. Одним словом, я больше не могу держать тебя. Приобретаю радиолу-автомат. Ты работаешь последнюю неделю.

Я широко улыбнулся:

– Ну что ж, Расти, договорились. Я знаю, ты хочешь мне добра, но домой я не поеду. Когда ты увидишь меня в следующий раз, я буду ездить в «кадиллаке».

Потеря тридцати долларов в неделю меня не беспокоила. Я не сомневался, что Римма вскоре начнет зарабатывать большие деньги.

Позвонив Уилли Флойду, я сообщил, что привезу Римму примерно в половине десятого. Он согласился, хотя и без особого энтузиазма. Потом я вернулся в наш пансион и по пути в свою комнату заглянул к Римме. Она спала.

Времени до половины десятого оставалось еще много, и я не стал будить девушку. Я прошел к себе, побрился, надел чистую сорочку, потом вынул из шкафа смокинг, почистил его и погладил. Вообще-то, смокинг выглядел далеко не блестяще, но другого у меня не было, а о покупке нового я не смел и мечтать.

Без четверти девять я снова зашел к Римме и разбудил ее.

– Ну, звезда, вставай. В твоём распоряжении всего полчаса.

Римма выглядела довольно апатичной. От меня не укрылось, что ей стоило немалых усилий подняться.

Может, она в самом деле была голодна. Во всяком случае, я понял, что она не сможет петь в таком состоянии.

– Вот что. Я пошлю Кэрри за бутербродами, а ты пока одевайся.

– Как хочешь.

Равнодушие Риммы обеспокоило меня. Она начала переодеваться, и я ушел. Кэрри я нашел внизу, на крыльце.

По моей просьбе она сходила в лавку за бутербродами. С бумажным пакетом в руках я поднялся в комнату Риммы.

Девушка уже переоделась и теперь сидела перед засижженным мухами зеркалом. Я положил пакет ей на колени, но она с гримасой его отбросила:

– Я ничего не хочу.

– Черт возьми!..

Я схватил Римму за руки, заставил встать и с силой встряхнул ее.

– Да приди же ты в себя, слышишь? Ты будешь сегодня петь! Другой такой возможности не представится. Ешь этот проклятый бутерброд – ты же вечно жалуешься на голод! Ешь, говорю!

Римма вынула из пакета бутерброд и, отщипывая маленькие кусочки, принялась есть, но почти сразу же перестала.

– Меня стошнит, если я съем еще хоть капельку.

Бутерброд пришлось доедать мне.

– Просто противно смотреть на тебя, – заметил я с набитым ртом. – Иногда я вообще жалею, что познакомился с тобой. Ну что ж, пошли. Я обещал Уилли приехать в половине десятого.

Все еще продолжая жевать, я немножко отступил и оглядел Римму. Бледная как полотно, с синяками под глазами, девушка казалась выходцем с того света. И все же было в ней что-то пикантное и зазывающее.

Мы спустились по ступенькам и вышли на улицу.

Вечер выдался душный, но когда Римма случайно прикоснулась ко мне, я почувствовал, что она вся дрожит.

– Что с тобой? – резко спросил я. – Ты мерзнешь?

– Нет. Ничего.

Вдруг она громко чихнула.

– Перестань! – крикнул я. – Тебе же надо сейчас петь.

– Как скажешь...

Она, без сомнения, действовала мне на нервы, но я сдерживался, думая о ее голосе. Каково будет, если она расчихается перед Уилли Флойдом?

Мы сели в трамвай и доехали до Десятой улицы. Вагон был переполнен, и Римму прижали ко мне. Время от времени я чувствовал, как ее начинает трясти. Это серьезно беспокоило меня.

– Ты здорова? Ты сможешь петь, правда?

– Я здорова. Отстань.

В клубе «Голубая роза», как всегда, собрались выдавшие виды почти преуспевающие и почти честные бизнесмены, почти красивые девицы легкого поведения, время от времени получавшие крошечные роли в кино, и гангстеры, устроившие себе выходной вечер.

Музыканты на сцене выдавали жаркий свинг, вокруг шныряли взмокшие официанты, и атмосфера в целом была такая, что ее можно было резать ножом.

Подталкивая перед собой Римму, я довел ее до кабинета Уилли, постучал и, открыв дверь, втолкнул девушку в комнату.

Уилли сидел, положив ноги на стол, и чистил ногти. Он взглянул на нас и нахмурился.

– Хэлло, Уилли, – сказал я. – Вот и мы. Познакомься с Риммой Маршалл.

Уилли еще раз внимательно осмотрел нас и кивнул. Взгляд его маленьких глаз задержался на Римме, и он поморщился.

– Когда мы начнем? – спросил я.

Уилли пожал плечами:

– Мне безразлично. Хоть сейчас. – Он снял ноги со стола. – Ты уверен, она действительно хорошо поет? Что-то непохоже, если судить по ее виду.

– Я не напрашивалась сюда! – с внезапной вспышкой негодования заявила Римма.

– Замолчи! – прикрикнул я. – Не лезь не в свои дела. Цыплят по осени считают, – снова обратился я к Уилли. – Это замечание обойдется тебе в сто долларов в неделю.

Уилли рассмеялся:

– Да ну? Она действительно должна оказаться чудом, чтобы заставить меня расстаться с такими деньгами. Что ж, пойдем послушаем.

Мы вышли в ресторан и постояли в полумраке, пока не умолк оркестр. Потом Уилли поднялся на сцену, велел музыкантам отдохнуть и объявил о предстоящем выступлении Риммы.

Его объявление было кратким. Он сказал только, что одна маленькая девочка хочет спеть одну-две песенки. Потом он махнул нам, и мы предстали перед публикой.

– Как можно громче! – шепнул я Римме, усаживаясь за пианино.

Болтовня в ресторане не смолкла, в зале не раздалось ни единого хлопка.

Меня это не обеспокоило, я знал, что, как только Римма запоеет и послышится ее серебристый голос, все немедленно онемеет.

Уилли, хмурясь, стоял около меня и не спускал глаз с Риммы. Его явно что-то тревожило.

Стоя около пианино, девушка равнодушно смотрела в наполненный дымом мрак. Она казалась совершенно спокойной.

Я начал играть.

Первые пять или семь тактов Римма спела как профессиональная певица. Ее чистый, звенящий голос наполнил зал, тон и ритм его были идеальными. Я внимательно следил за девушкой. И вдруг с ней что-то произошло. Ее лицо начало вытягиваться, она сбилась с такта, голос изменился. Она перестала петь и расчихалась. Поминутно содрогаясь, она наклонилась вперед и закрыла лицо руками.

В зале стояла могильная тишина, нарушаемая лишь ее чиханьем, потом послышался гул голосов.

Я перестал играть, чувствуя, как по телу разливается неприятный холод.

– Уведи эту наркоманку! – донесся до меня крик Уилли. – За каким чертом ты привел ее ко мне? Уведи ее сейчас же, слышишь?!

Глава третья

I

Римма лежала на кровати, уткнувшись в подушку, и время от времени чихала. Ее трясло. Я молча стоял у нее в ногах.

«Так мне и надо! – мысленно корил я себя. – Все симптомы были налицо, а мне и в голову не приходило, что она наркоманка, хотя я должен был догадаться еще той ночью, когда она чихала час напролет».

Уилли Флойд пришел в ярость. Прежде чем выгнать нас, он сказал, что, если я когда-нибудь осмелюсь показать нос в его клубе, он велит своему вышибале как следует вздуть меня. И он не шутил.

Я с трудом довел Римму до дому. Она настолько расклеилась, что я не решился войти с ней в трамвай. По временам мне приходилось почти нести девушку. Кое-как я дотащил ее переулками до пансиона.

Постепенно она стала успокаиваться.

Наблюдая за Риммой, я чувствовал себя довольно-таки неважно. Потерять работу у Расти, поссориться с Уилли Флойдом и вдобавок посадить себе на шею наркоманку!

Следовало бы побросать свои вещи в чемодан и бежать. Я так бы, наверное, и поступил, но в ушах у меня начинал звучать удивительный голос Риммы, и я снова принимался думать о больших деньгах, которые она могла бы зарабатывать, о заключенном с ней контракте и о своей доле гонорара.

Внезапно Римма повернулась и взглянула на меня.

– Я же предупреждала, – сказала она, задыхаясь. – А теперь убирайся и оставь меня в покое!

– Да, ты предупреждала, – согласился я, облокачиваясь на спинку кровати и не сводя с нее глаз. – Но ты так и не сказала, что с тобой. Давно ты употребляешь эту гадость?

– Три года. Теперь я не могу без этого жить. – Римма села, вынула носовой платок и протерла глаза.

– Три года? Сколько же тебе лет?

– Восемнадцать. Да тебе-то что?

– Значит, ты употребляешь наркотики с пятнадцати лет? – ужаснулся я.

– Замолчи!

– Это Уилбор снабжал тебя ими?

– Ну а если и он? – Римма высморкалась. – Ты хочешь, чтобы я пела? Ты хочешь, чтобы я произвела сенсацию? Тогда дай мне денег. У меня все получится чудесно, когда я сделаю укол. Ты еще не слышал, как я могу петь! Дай мне денег, и больше мне ничего не надо.

Я присел на край кровати.

– Не говори глупостей. Денег у меня нет, а если бы и были, я бы все равно не дал. С таким голосом, как у тебя, ты можешь прославиться, я уверен. Мы тебя вылечим, а потом, когда ты отвыкнешь от наркотика, все будет в порядке и у тебя появятся деньги, много денег.

– Это я уже проходила. Ничего не получится. Лучше дай-ка мне сейчас немного, ну хоть пять долларов. Я знаю тут одного человечка...

– Ты отправишься в больницу.

Римма насмешливо посмотрела на меня:

– В больницу? Больницы переполнены такими, как я, и врачи ничего не могут сделать с ними. Я уже побывала в больнице. Дай мне пять долларов! Я буду петь для тебя. Я буду прямо-таки потрясающей. Всего пять долларов!

Больше я не мог слушать. Меня мутило от одного ее взгляда. Я был по горло сыт событиями этого вечера и направился к двери.

– Куда ты?

– Спать. Продолжим завтра. На сегодня с меня хватит.

Я ушел в свою комнату и закрыл за собой дверь.

Мне долго не удавалось заснуть, и вскоре после двух часов ночи я услышал, как ее дверь открылась и Римма на цыпочках прошла по коридору. Но в ту минуту я был бы, пожалуй, рад, если бы она собрала свои вещи и сбежала.

На следующее утро я встал часов в десять, оделся, подошел к ее комнате и приоткрыл дверь.

Римма спала. Судя по расслабленному, спокойному выражению ее лица, она все же достала где-то наркотик. Ее серебристые волосы рассыпались по подушке, она даже казалась хорошенькой. Видимо, ей удалось найти какого-нибудь простака, а вместе с ним и денег.

Я закрыл дверь, спустился по лестнице и, оказавшись на залитой солнцем улице, зашагал к бару.

Увидев меня, Расти удивился.

– Я хочу с тобой переговорить, – сказал я. – По-серьезному, Расти.

– Ну так говори.

– Эта девушка может петь. У нее не голос, а целое состояние. У нас с ней договор. Возможно, я получаю шанс выбиться в люди. Честное слово, Расти, девушка может зарабатывать большие деньги.

Бармен озадаченно посмотрел на меня:

– Хорошо, но что же ей мешает? Если она может зарабатывать большие деньги, то почему она не зарабатывает?

– Потому, что она наркоманка.

На лице Расти появилась гримаса отвращения.

– Вот оно что!

– Я должен ее вылечить. Что мне делать?

– Что делать, говоришь? Хорошо, отвечу, если спрашиваешь. – Он ткнул мне в грудь пальцем, размером с банан. – Отделайся от нее, и как можно скорее. С наркоманией, Джефф, ничего сделать нельзя. Уж я-то знаю, можешь мне поверить. Шарлатаны утверждают, что они излечивают наркоманов. Но на сколько? На месяц-другой, от силы на три. А потом продавцы наркотиков снова находят их, и все начинается сначала. Послушай, сынок, ты мне нравишься, и я хочу помочь тебе. Ты неглупый парень и получил образование. Не путайся с этой дрянью! О такой девчонке не стоит беспокоиться. Она может петь – ну и пусть. Отделайся от нее. Кроме неприятностей, ничего тебя не ждет.

Как было бы хорошо, если бы я послушался Расти! Он говорил правду, но тогда его доводы не подействовали на меня. Я не сомневался, что голос Риммы принесет мне состояние. Надо только вылечить ее, и она начнет загребать деньги. В этом меня никто не мог разубедить.

– Кому мне ее показать, Расти? Ты знаешь, может быть, кого-нибудь, кто мог бы ее вылечить?

Расти провел тыльной стороной ладони под носом – жест, означавший у него крайнюю степень раздражения.

– Вылечить? Никто не сможет ее вылечить! Что с тобой? Ты сошел с ума?

Я стоял на своем. Это было для меня очень важно. Я был уверен, что напал на золотую жилу. Абсолютно уверен.

– У тебя большой жизненный опыт, Расти. Ты, конечно, что-нибудь слышал. Кто настоящему излечивает этих наркоманов? Должен же быть такой человек. Ведь среди киноартистов много наркоманов, кто-то же их вылечивает. Кто же?

Расти нахмурился и поскреб затылок.

– Конечно. Но артисты – люди с деньгами. Лечение стоит денег. Есть здесь один человек, но, судя по тому, что я слышал, он запросит кучу денег.

– Хорошо, хорошо! Может, я займу у кого-нибудь. Я должен во что бы то ни стало вылечить ее. Кто этот человек?

– Доктор Клинци. Он совсем из другого общества, но именно тот, кто тебе нужен. Клинци вылечил Мону Гайсинг и Фрэнки Леддера, – добавил Расти, называя фамилии двух крупнейших звезд киностудии «Пасифик». – Они курили марихуану, но он их вылечил.

– Где его найти?

– Адрес есть в телефонном справочнике... Послушай, Джефф, не ставь себя в глупое положение. Этот тип потребует кучу денег.

– Сколько бы ни потребовал, лишь бы вылечил. Я уговорю его вылечить Римму в счет ее будущих заработков. Она будет получать огромные деньги. Я это чувствую. Иначе и быть не может с таким голосом, как у нее.

– Да... Ты и вправду сошел, видно, с ума.

– Пусть будет по-твоему.

Я выписал из телефонного справочника адрес доктора Клинци. Он жил на бульваре Беверли-глин.

Глядя мне в глаза, Расти произнес:

– Послушай меня, Джефф. Я знаю, о чем говорю. Самое худшее, что может сделать человек в своей жизни, это связаться с наркоманом. Им нельзя доверять. Они опасны. У них нет обычного чувства ответственности. Голова у них не в порядке. Ты должен это понимать. Это совсем не то же самое, что иметь дело с нормальными людьми. Они могут учудить что угодно и никогда не платят по счету. Не связывайся с этой девушкой. Она принесет тебе несчастье. Нельзя связываться с такими, как она, и все тут.

– Ладно, забыли. Тебе-то о чем волноваться? Я же не прошу у тебя денег.

Расставшись с Расти, я сел в трамвай, вернулся в меблированные комнаты и зашел к Римме. Она сидела на кровати в черной пижаме. Сочетание черного с волосами серебряного цвета и темно-голубыми глазами делало ее привлекательной.

– Я хочу есть.

– Я высеку эти слова на твоём надгробии. Однако речь сейчас не об этом... Кто тебе дал денег на укол вчера вечером?

Римма отвела глаза в сторону:

– Не понимаю, о чем ты. Я очень голодна. Ты можешь дать мне...

– Замолчи! Ты согласишься пройти курс лечения, если мне удастся договориться с врачом?

Лицо Риммы помрачнело.

– Мне уже поздно лечиться. Я знаю. Бесполезно говорить о врачах.

– Есть человек, который может тебя вылечить. Если мы с ним договоримся, ты согласишься пройти курс лечения?

– Кто это?

– Доктор Клинци. Он лечит всех знаменитых киноартистов. Может, мне удастся уговорить его.

– Держи карман шире. Проще всего дать мне денег. Много не надо, всего каких-нибудь... Я с силой встряхнул ее. Мне едва не стало дурно, когда она дохнула на меня.

– Ты согласишься лечиться у него, если мы с ним договоримся? – крикнул я.

Римма вырвалась из моих рук.

– Как хочешь.

Я чувствовал, что вот-вот потеряю контроль над собой, но мне удалось справиться с эмоциями.

– Ладно. Я переговорю с ним. Никуда не выходи из комнаты. Я скажу Кэрри, чтобы она принесла тебе чашку кофе и что-нибудь поесть.

Подойдя к лестничной площадке, я окликнул Кэрри и попросил ее принести Римме шницель и кофе, потом зашел к себе и надел свой лучший костюм. Костюм был неважный, местами лоснился, но, когда я причесался, начистил ботинки и вообще привел себя в порядок, вид у меня стал вполне приличный.

Затем я снова зашел к Римме. Она сидела на кровати, отпивая кофе, и, увидев меня, по привычке сморщила нос:

– О! Ты здорово выглядишь!

– Не важно, как я выгляжу. Давай пой. Все, что угодно.

Римма уставилась на меня.

– Все, что угодно?

– Да. Пой.

Римма запела «Дым ест тебе глаза».

Она пела без всякого усилия. И снова при звуках ее чистого, сильного голоса я чувствовал озноб.

Я стоял и молча слушал, а когда она исполнила припев, остановил ее.

– Хорошо, хорошо, – сказал я с бьющимся сердцем. – Никуда не уходи. Я скоро вернусь.

Прыгая сразу через несколько ступенек, я сбежал по лестнице.

II

Особняк доктора Клинци стоял посреди большого красивого сада, обнесенного высокой стеной с острыми железными шипами.

Я пошел по длинной аллее. Мне потребовалось три-четыре минуты быстрой ходьбы, прежде чем я увидел дом, показавшийся мне голливудским вариантом дворца Медичи во Флоренции.

Около пятидесяти ступенек вели к большой террасе. Окна верхнего этажа были забраны решетками.

И от самого особняка, и от сада веяло какой-то холодностью и отчужденностью. Казалось, даже розы и бегонии источают не аромат, а уныние.

Недалеко от аллеи, под тенью вязов сидели в креслах-колясках несколько человек, рядом хлопотали три или четыре сиделки в ослепительно-белых халатах.

Я поднялся по ступенькам парадного и позвонил.

Через несколько секунд дверь открыл какой-то серый человек: у него были серые волосы, серые глаза, серый костюм и медлительные старческие манеры.

Я назвал себя.

Он молча провел меня по сверкающему паркету в небольшую комнату, где за письменным столом сидела и что-то писала карандашом изящная блондинка-медсестра.

– Мистер Гордон, – доложил серый человек.

Стоя позади, он с такой силой пододвинул стул, что мне волей-неволей пришлось сесть. Уходя, он осторожно, словно она была из хрупкого стекла, прикрыл за собой дверь.

Медсестра отложила в сторону карандаш и, печально улыбаясь одними глазами, мягко спросила:

– Да, мистер Гордон? Чем мы можем вам помочь?

– Я хочу переговорить с доктором Клинци об одном пациенте.

Медсестра взглянула на мой костюм.

– А кто этот пациент, мистер Гордон?

– Я все расскажу доктору Клинци.

– Боюсь, доктор сейчас занят. Вы можете довериться мне. Решение о приеме зависит от меня.

– Очень мило с вашей стороны, но в данном случае речь идет об особом случае. Я хочу поговорить лично с доктором Клинци.

– Что за особый случай, мистер Гордон?

Чувствовалось, что мое объяснение никакого впечатления на нее не произвело. В ее глазах уже не было печали, они выражали просто скуку.

– Я антрепренер, а мой клиент – певица и стоит очень дорого. Мне придется обратиться еще куда-нибудь, если я не смогу переговорить непосредственно с доктором Клинци.

Кажется, мои слова произвели впечатление. Медсестра задумалась.

– Если вы минуточку подождете, мистер Гордон, – сказала она, поднимаясь, – я выясню...

Она вышла из комнаты, но почти тут же вернулась и остановилась в открытых дверях:

– Прошу вас.

Я прошел в огромную комнату, заставленную современной мебелью. Здесь же стоял операционный стол, а за письменным столом у окна сидел человек в белом халате.

– Мистер Гордон?

Он произнес мою фамилию так, словно мое посещение доставило ему необыкновенную радость.

Человек поднялся. Это был мужчина лет тридцати, небольшого роста. У него были светлые курчавые волосы, серо-голубые глаза и мягкие, вкрадчивые манеры.

– Да, правильно. Доктор Клинци?

– Так и есть. – Он жестом показал на стул. – Чем могу служить, мистер Гордон?

Я сел и подождал, пока уйдет сестра.

– У меня есть певица, которая вот уже три года принимает морфий, – начал я. – Мне нужно ее вылечить. Во сколько это обойдется?

Взгляд его серо-голубых глаз не был обнадеживающим.

– Мы берем пять тысяч долларов за курс лечения, мистер Гордон, гарантируя положительный исход. У нас есть все основания для такой гарантии.

Я глубоко вздохнул:

– За такие деньги вполне естественно ожидать положительного исхода.

Он печально улыбнулся. В этом заведении, видимо, специализировались на печальных улыбках.

– Вам, мистер Гордон, возможно, сумма покажется значительной, но наши пациенты принадлежат к высшим слоям общества.

– Сколько времени длится лечение?

– Все зависит от пациента. Примерно недель пять, а если мы имеем дело с очень трудным случаем – недель восемь, не больше.

– И результат гарантирован?

– Разумеется.

Я знал, что не найдется сумасшедшего, который одолжил бы мне пять тысяч долларов. У меня не было никакой возможности раздобыть такую сумму.

Я решил испытать, не клюнет ли он на мою приманку.

– Видите ли, доктор, это несколько больше того, что я в состоянии заплатить. Девушка обладает изумительным голосом. Если я смогу вылечить ее, она будет зарабатывать огромные деньги. А что, если вы согласитесь войти со мной в пай и получать процентов двадцать со всех

ее гонораров впредь до выплаты пяти тысяч долларов? Затем вы получите еще три тысячи в качестве процентов.

Едва договорив, я понял, что допустил ошибку. Лицо Клинци стало равнодушным, в глазах появилось отсутствующее выражение.

– Мы не занимаемся такими делами, мистер Гордон. Моя лечебница переполнена. Плату за лечение мы всегда принимаем только наличными: три тысячи при поступлении больного и две – перед выходом из больницы.

– Но тут же совершенно особый случай...

Его палец с наманикюренным ногтем потянулся к кнопке звонка на письменном столе.

– Извините, но таковы наши условия.

Он с удовольствием нажал кнопку.

– Но если я все же достану денег, вы действительно гарантируете результаты?

– Результаты лечения? Конечно.

Он уже стоял. Открылась дверь, вплыла медсестра. Оба они опять печально улыбнулись мне.

– Если ваша клиентка, мистер Гордон, все же захочет лечиться, пожалуйста, поскорее известите нас. Желающих много, и не исключено, что нам будет трудно или даже невозможно принять ее.

– Спасибо. Буду иметь в виду.

Доктор Клинци подал мне холодную белую руку, словно оказывал величайшую милость, а затем медсестра проводила меня до двери.

По дороге в меблированные комнаты я обдумывал все сказанное доктором и впервые в жизни пожалел, что не располагаю хотя бы некоторой суммой денег. Но была ли у меня хоть тень надежды раздобыть где-нибудь нужные пять тысяч? Если бы я с помощью чуда достал их и заплатил за лечение Риммы, она, а вместе с ней и я вскоре оказались бы на вершине славы.

Размышляя, я медленно шел по улице, пока не поравнялся с большим магазином патефонов и радиоприемников. Я остановился у витрины и стал рассматривать яркие конверты с долгоиграющими пластинками, представляя, как выглядела бы Римма на одном из них. В глаза мне бросилось висевшее за стеклом объявление: «Запишите свой голос на ленту! Трехминутная запись – 2 доллара 50 центов. Носите свой голос в кармане, чтобы удивлять друзей!»

У меня тут же возникла идея.

Если записать голос Риммы на пленку, можно будет не опасаться повторения того, что случилось в «Голубой розе». Мне останется лишь прокручивать ленту, и, может, кто-нибудь все же заинтересуется и одолжит мне деньги для лечения Риммы.

Я поспешно направился в пансион.

Римму я застал уже одетой. Она сидела у окна и курила. Девушка повернулась ко мне и ожидающе взглянула на меня.

– Доктор Клинци утверждает, что он может излечить тебя, – сказал я, усаживаясь на кровать. – Но нужны деньги. Пять тысяч.

Римма сморщила нос, пожала плечами и снова уставилась в окно.

– Ничего невозможного нет, – продолжал я. – У меня появилась идея. Мы запишем твой голос на ленту. Не исключено, что кто-нибудь из тех, кто выпускает пластинки, послушав твой голос, даст денег. Пошли.

– Ты совсем сошел с ума. Никто тебе таких денег не даст.

– Предоставь это решать мне. Пошли. Мы исполним «Некоторые дни», – сказал я по пути в магазин. – Ты знаешь эту вещь?

Римма ответила, что знает.

– Петь надо как можно громче и быстрее.

Продавец магазина, приведший нас на студию звукозаписи, выглядел неприветливым и скучающим. Он, несомненно, видел в нас чету бездельников, которые от нечего делать решили выбросить на ветер два доллара пятьдесят центов и только зря отнимали у него время.

– Мы вначале прорепетируем, – заметил я, усаживаясь за пианино. – Громко и быстро.

Продавец включил звукозаписывающий аппарат.

– Никаких репетиций. У нас не полагается, – ответил продавец. – Я буду регулировать исполнение в процессе записи.

– Нет, вначале мы прорепетируем. Вам, может быть, это и безразлично, а нам нет.

Я заиграл мелодию в несколько более быстром темпе, чем обычно. Римма запела. Я взглянул на продавца. Голос девушки, видимо, ошеломил его: раскрыв рот, он словно в оцепенении смотрел на нас.

Никогда еще Римма не пела так хорошо. Это действительно было пение!

После первого куплета я остановил девушку.

– Боже милосердный! – приглушенным шепотом воскликнул продавец. – В жизни не слышал ничего подобного!

Римма молча скользнула по нему равнодушным взглядом.

– Ну а сейчас начнем записывать. Запись звука включена?

– Давайте, – ответил продавец. – Включу, как только вы начнете.

На этот раз Римма пела еще лучше, если это вообще было возможно.

Когда Римма кончила, продавец предложил прослушать запись через стереофонический проигрыватель.

Слушали мы сидя.

При правильной регулировке проигрывателя и применении фильтров, устраняющих шипение радиоламп, голос девушки звучал громче, чем естественный, и производил потрясающее впечатление. Мне не доводилось слушать ничего более поразительного.

– Ну и ну! – воскликнул продавец, выключая аппарат. – Вот это да! Эл Ширли должен обязательно это прослушать. Он с ума сойдет.

– Эл Ширли? Кто это? – спросил я.

– Ширли? – удивился продавец. – Владелец фирмы по производству пластинок. «Калифорнийская компания звукозаписи». Он открыл Джой Миллер. В прошлом году она напела пять пластинок. Знаете, сколько она заработала? Полмиллиона! И разрешите добавить, что она полное ничтожество по сравнению с этой девочкой. Можете мне поверить. Я много лет торгую пластинками и еще не слышал ничего похожего. Поговорите с Ширли. Он ухватится за нее обеими руками.

Я поблагодарил продавца и хотел заплатить ему два доллара пятьдесят центов, но он отмахнулся.

– Оставьте! Я получил и хороший урок, и удовольствие. Переговорите с Ширли. Буду рад, если она его заинтересует. – Он пожал мне руку. – Желаю удачи. Впрочем, ничего иного и быть не может.

Возвращаясь с Риммой по набережной в меблированные комнаты, я сильно волновался. Если она и в самом деле пела лучше Джой Миллер – а продавец знал, что говорил, – значит она сможет зарабатывать огромные деньги. Предположим, за первый же год полмиллиончика! Десять процентов этой суммы должны выглядеть совсем неплохо.

Я искоса взглянул на Римму. Засунув руки глубоко в карманы джинсов, она шла рядом со мной, безучастная ко всему на свете.

– Сегодня же переговорю с Ширли, – сказал я. – Может, он одолжит мне пять тысяч на твое лечение. Слышала, что сказал этот деятель в магазине? Ты можешь высоко взлететь.

– Я хочу есть, – мрачно заявила Римма. – Могу я что-нибудь поесть?

– Ты слушаешь меня или не слушаешь? – Я остановился и резко повернул ее к себе. – Ты можешь заработать своим голосом целое состояние. Только сначала надо вылечиться.

– Напрасно ты морочишь себе голову, – ответила Римма, вырываясь. – Я уже лечилась. Все бесполезно... Как же насчет еды?

– Доктор Клинци вылечит тебя. А Ширли, прослушав запись, может, не откажется одолжить денег.

– Может, может... Может, у меня вырастут крылья и я улечу. Никто не одолжит нам столько денег.

В тот же день, взяв у Расти машину, я поехал в Голливуд. Лента с записью лежала у меня в кармане, и я опять сильно волновался. Было бы неосторожно открывать Ширли, что Римма наркоманка. Он, конечно, и слышать ничего не захочет, когда узнает тайну девушки. Мне предстояло как-то убедить его расстаться с пятью тысячами долларов, но как именно – я себе не представлял. Все зависело от того, какое впечатление произведет на него запись. Если он ухватится за нее, тогда я смогу заставить его раскошелиться.

Фирма Ширли находилась почти рядом с киностудией «Метро-Голдвин-Мейер». Это было двухэтажное здание, расположенное на участке примерно в четверть гектара. Пройти на территорию фирмы можно было только через проходную у ворот, где дежурили два свирепых на вид вахтера.

Только здесь, убедившись, с каким солидным предприятием мне предстоит иметь дело, я понял всю трудность своей задачи. Все тут было поставлено на широкую ногу. У меня внезапно пропала всякая вера в собственные силы.

Едва я вошел в проходную, как один из вахтеров направился ко мне. Он окинул критическим взглядом мой поношенный костюм и замызганные туфли и, решив, что церемониться нечего, резким тоном спросил, зачем я пожаловал. Я ответил, что хотел бы переговорить с мистером Ширли. Нечто вроде растерянности промелькнуло в глазах охранника, но в следующую секунду он рассердился:

– Вас таких двадцать миллионов. Вы договаривались о приеме?

– Нет.

– В таком случае и не надейтесь.

Наступил момент, когда не оставалось ничего иного, как идти ва-банк. В ту минуту я легко поклялся бы, что появился на свет в семье черных родителей.

– Да? Ну и чудесно. При первой же встрече с ним я обязательно упомяну, какая у него образцовая охрана. Он как-то приглашал меня заглянуть, если я окажусь рядом, но коль скоро вы против, то разбирайтесь с ним сами.

Охранник смутился:

– Он в самом деле вас приглашал?

– А почему бы и нет? Они с моим отцом учились вместе в университете.

Агрессивное выражение совсем исчезло с лица охранника.

– Как вы назвали себя?

– Джефф Гордон.

– Подождите минуточку.

Он скрылся в помещении, позвонил куда-то по телефону, потом снова вышел и жестом пригласил меня пройти:

– Обратитесь к мисс Уиссин.

Это уже был шаг вперед.

С пересохшим ртом и отчаянно бьющимся сердцем я миновал аллею и оказался во внушительном вестибюле. В сопровождении мальчика в форме небесно-голубого цвета с пуговицами, сверкающими, как бриллианты, я прошел по коридору, в который с обеих сторон выхо-

дили отполированные двери из красного дерева, и остановился перед одной из них, с медной табличкой, гласившей: «Мистер Гарри Найт и мисс Генриетта Уиссин».

Мальчик открыл дверь и жестом предложил мне войти.

Я оказался в большой, с темно-серыми стенами комнате; в мягких креслах сидели какие-то люди – человек пятнадцать. При виде их мне почему-то вспомнилось выражение: стадо заблудших овец.

Впрочем, я не успел как следует рассмотреть присутствующих, потому что обнаружил, что меня внимательно разглядывают чьи-то изумрудно-зеленые глаза, твердые, словно стекло, и такие же равнодушные. Глаза принадлежали рыжеволосой девушке лет двадцати четырех, с бюстом Монро, бедрами Бардо и таким ледяным взглядом, под которым поежился бы даже эскимос.

– Я вас слушаю.

– К мистеру Ширли, пожалуйста.

Девушка пригладила волосы и вновь взглянула на меня так, словно я только что сбежал из зверинца.

– Мистер Ширли не принимает посетителей, а мистер Найт сейчас занят. – Ленивым взмахом руки она показала на стадо заблудших. – Если вы сообщите мне вашу фамилию и причины вашего посещения, я, возможно, смогу записать вас на прием в конце недели.

Я понимал, что ложь, на которую клюнул вахтер, на нее не подействует. Эта особа была хитра и обучена никому и ничему не верить. Если мне не удастся обмануть ее, то моя песенка спета.

– В конце недели? – небрежно бросил я. – Слишком поздно. Если Найт не примет меня сейчас же, ему не избежать убытков, а это вряд ли понравится мистеру Ширли.

Слабовато, но ничего сильнее я придумать не мог.

По крайней мере, все в комнате стали прислушиваться, подавшись вперед и вытянув шеи, как собаки, учуявшие добычу.

Но если мои слова и произвели на них впечатление, то мисс Уиссин они оставили совершенно равнодушной, она лишь небрежно и скучающе улыбнулась:

– Возможно, вы не откажетесь написать нам? Если мистер Найт заинтересуется, он даст вам знать.

Позади девушки открылась дверь, и из нее выглянул лысеющий толстяк лет сорока в желтовато-коричневом костюме в полоску. Он окинул комнату враждебным взглядом.

– Следующий! – Именно таким тоном медицинская сестра в кабинете зубного врача вызывает очередного страдальца.

В то же мгновение я оказался рядом с ним. Уголкем глаза я заметил, что высокий юноша с бакенбардами, как у Элвиса Пресли, судорожно сжав гитару, выбрался из кресла. Но он опоздал.

Наступая на толстяка, широко и обаятельно улыбаясь, я отгеснил его в кабинет.

– Здравствуйте, дорогой мистер Найт, – сказал я. – У меня есть нечто такое, что доставит вам истинное наслаждение. Не сомневаюсь, что вы сразу же захотите обрадовать и мистера Ширли.

К этому времени я уже оказался в кабинете и ногой захлопнул дверь.

На письменном столе Найта стоял магнитофон. Обойдя вокруг толстяка, я вставил ленту в аппарат и приготовился его включить.

– Сейчас вы будете себя благодарить за проявленное благоразумие, – тараторил я. – Конечно, на таком аппарате вы не получите полного представления, но вы подпрыгнете до потолка, если воспроизведете запись на стереофоническом проигрывателе.

Найт, с лица которого не сходило выражение крайнего изумления, молча наблюдал за мной.

Я включил магнитофон, и из динамика полился голос Риммы.

Не спуская глаз с Найта, я заметил, как после первых же тактов напряглось его лицо.

Он прослушал всю запись и только тогда сказал:

– Кто это?

– Моя клиентка. Вы согласны, чтобы ее послушал мистер Ширли?

Найт осмотрел меня с головы до ног:

– А вы кто?

– Моя фамилия Джефф Гордон. Я тороплюсь. Или мистер Ширли, или «Радио корпорейшн оф Америка». Выбирайте. Я пришел к вам потому, что «Радио корпорейшн» дальше от меня.

Однако этот стреляный воробей не попался на удочку. Он ухмыльнулся и уселся за письменный стол.

– Не надо горячиться, мистер Гордон. Я же не сказал, что она плохо поет. Нет, она поет хорошо, но я слышал певиц и получше. Возможно, она заинтересует нас. Приводите ее в конце недели, слушаем.

– Это невозможно. Кроме того, я уже заключил с ней договор.

– Дело ваше. Приводите ее, когда найдете нужным.

– Советую заключить с ней договор сейчас же. Если не хотите, то мне придется обратиться в «Радио корпорейшн».

– Я не сказал, что не хотим, однако нам надо послушать ее.

– Извините, но ничего не выйдет. – Я пытался разговаривать, как опытный, прожженный делец, но понимал, что это получается у меня из рук вон плохо. – Дело в том, что она не вполне хорошо себя чувствует, ей нужно войти в форму. Если она вас не интересуется, то скажите, и я уйду.

В дальнем углу комнаты распахнулась дверь, и из нее не спеша вышел маленький седой человек.

Найт торопливо встал:

– Я сию минуту, мистер Ширли...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.